

В.Ю. Сидорин
ИДЕИ «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА»
В ТРУДАХ С. ПОЛОЦКОГО И Ю. КРИЖАНИЧА

В конце XX века актуальным является осознание целостности человеческой истории и судьбы народа, что обрело свои очертания в различных общественно-политических и правовых теориях. Развитие истории политических и правовых учений в современных условиях сложного взаимодействия процессов глобализации и процессов поиска национальной идентичности предполагает конкретизацию наших знаний о первоистоках правовой культуры, что делает особенно важной задачу выявления особенностей развития политико-правовой мысли в эпоху позднего средневековья. Не потеряла своей значимости и задача выявления закономерностей развития в средневековых русских политико-правовых учениях различных концепций организации верховной государственной власти в России. При этом именно здесь отечественная юридическая наука имеет наиболее существенные пробелы. Во многом это, видимо, было связано с религиозно-нравственной составляющей средневековой юридической практики и политической мысли, что вызывало определенное отторжение у историко-правовой науки, сформировавшейся на теоретическом фундаменте юридического позитивизма. Сегодня впервые появляется возможность, используя современный инструмент историко-правовой науки, адекватно, без идеологической предубежденности решать данную научную задачу. В этом смысле изучение публицистических произведений второй половины XVII века не потеряло своей актуальности. В данной статье автор обратит внимание на один аспект политико-правовых учений второй половины XVII в., который фактически не привлекал ученых. Речь идет о развитии идей **просвещенности власти**. Мы согласны с теми из исследователей, которые рассматривают **образование, обладание знаниями** как неотъемлемую **качественную характеристику интеллигенции**. Потому автор полагает, что просвещенность власти – одно из важнейших условий формирования на государственной службе среды, обеспечивающей возможность деятельности **интеллигенции во власти**. А как рассматривалась данная проблема в эпоху позднего средневековья? Ответ на этот вопрос и ставится целью настоящей работы.

Во второй половине XVII в. в развитии государственности стали преобладать абсолютистские тенденции. Соответствующие изменения можно отметить и в области политико-правовой мысли. Если для XVI столетия были характерны концепции, прогнозирующие и обосновывающие необходимость установления сословно-представительной монархии в качестве формы власти в централизованном государстве, то в XVII веке, как ответ на своего рода «социальный заказ», стали формулироваться идеи, отвечавшие практике политического абсолютизма.

Одним из первых с обоснованием правомерности абсолютной монархии выступил Симеон Полоцкий (1629 – 1680 гг.). Он родился в г. Полоцке и окончив Киево-Могилянскую академию в 1659 г., принял монашеский сан под именем Симеона. С 1664 проживал в Москве, где и получил прозвище – Полоцкий (по имени своего родного города). Именно здесь и происходит полный расцвет деятельности Симеона Полоцкого. Он открыл школу, в которой обучал латинскому языку подьячих Приказа тайных дел, обучал царских детей и детей придворных вельмож, писал от горожан к царю и патриарху письма с просьбой об открытии школ, составил первый проект устава высшего учебного заведения и открыл типографию. В Москве вокруг него группировались передовые люди России того времени, в их числе: Сильвестр Медведев, Михайло Родостамов, Фрол Герасимов, Карион Истомина и др. Его основные произведения – “Вертоград многоцветный” (1668 г.) – энциклопедическое поучительное произведение и “Рифмолог” (1679 г.) – собрание стихотворений панегирического характера¹.

Главной проблемой творчества Симеона было разрешение вопросов, связанных с верховной государственной властью, ее авторитетом, формой организации и деятельностью. Он один из первых в истории отечественной политической мысли дал теоретическое обоснова-

ние необходимости установления просвещенной абсолютной монархии. Он активно возвышал авторитет царской персоны, сравнивая царя с солнцем².

Политическим идеалом Симеона Полоцкого является сильное государство во главе с **просвещенным монархом**. Это положение можно рассматривать как отправную точку его концепции. Подобно Т. Гоббсу он заявлял, что государство должно быть крепким телом, а правитель – его умной и здоровой головой. Это требование сочеталось у Симеона Полоцкого с поучениями царям, в которых он, исходя из конкретной обстановки России, начертал широкую программу внешнеполитической и внутренней деятельности правителя. Во внешнеполитические задачи монарха Симеон включал воссоединение русских земель под державой московского царя и обеспечение естественного выхода к Балтийскому и Черному морям. Тем самым Симеон Полоцкий отразил назревшие потребности развития России. Ко внутренним задачам государственной власти Симеон Полоцкий относил: установление в обществе «вечного мира» и «всеобщего блага», ликвидацию раскола и мятежей, поощрение торговли, заботу о распространении **добрых нравов, просвещения, установление справедливого суда, опору на «разумных мужей», выдвинувшихся по способностям**, но не по родовитости³. Обратим внимание на последнее требование. По сути дела речь здесь идет о привлечении в государственное управление образованных людей, интеллигенцию в социологическом смысле слова.

В эпоху Нового времени мыслители, признавая Божественное происхождение царской власти, обращали внимание на человеческую природу ее носителя. Симеон не допускает даже мысли о возможности подобного отношения к царской особе. Царь и Бог у него – почти равные величины. Более того, в понимании Симеона, царь и государство отождествляются. Большое внимание уделяет Симеон описанию образа царя. Прежде всего, он должен быть **образованным человеком и просвещать свой народ**⁴. Здесь интересную параллель можно провести с высказываниями современных интеллигентоведов, некоторые из которых рассматривают просвещение как одну из важнейших функций интеллигенции⁵.

Симеон Полоцкий не проходил и мимо отрицательных сторон неограниченной царской власти. Он заявлял, что в условиях царского единодержавия неизбежно развивается лезть, угодничество и лицемерие. Царь обязан избегать этих пороков, утверждать справедливость и «равный» суд для всех. Симеон полагает, что просвещенная монархия должна быть государством, деятельность которого основывается на законах. Исключений из этого правила нет ни для кого: ни для самого царя, ни для его сына, ибо все люди в государстве обязаны бояться закона, подчинение которому укрепляет государство.

Создав образ идеального царя-правителя, Симеон Полоцкий критикует царя-тирана и мучителя. Он считал, что гражданам «знати подобает» кто есть царь, а кто тиран и мучитель. Тиран стремится обеспечить прибыли лишь себе и ничуть не заботится о «гражданской потребности», он ради своей наживы облагает население непосильными налогами, живет за счет «слез людских», режет их «и кожу и тело». Тираны не любят народ и относятся к нему «как звери»⁶. Они не любят правды и мудрости, не радеют о просвещении народа. Развернутый образ идеального царя и не менее обстоятельная критика царя-тирана несомненно возбуждали общественную мысль, привлекали к осмыслению и к обсуждению этих вопросов, давали пример и повод критического отношения к деятельности правителей, хотя Симеон Полоцкий и не думал выступать против существующей формы правления. Он давал лишь программу и стремился сформулировать основные принципы, которыми должна руководствоваться высшая государственная власть: будь милостив к людям, люби их, «изволь начать с царского лица правду совершати», «сам прежде закон сохрани, тогда подданные будут сохранять», «худородных в подвиг возбуждай как словом, примером, так и дарами, пусть в чести возрастают»⁷. Все это нужно, по мнению Симеона, для того, чтобы, заслужив от людей взаимную любовь, вдохновлять их на активную деятельность. Следует заметить, что у Симеона Полоцкого не было к своему народу такого пренебрежительного отношения, какое было присуще и современным ему, и более поздним идеологам абсолютизма. Ему были чужды взгляды на простой народ как на «чернь», неспособную возвыситься до понимания целей государствен-

ной политики. Здесь, по мнению автора, у Симеона Полоцкого к власти предъявляются требования нравственного порядка. Отметим, что в настоящее время **следование нравственным императивам** большинство исследователей, наряду с образованием, относят к **характерным чертам интеллигенции**.

Непосредственное свое продолжение и развитие идеи С. Полоцкого получили у его современника – Юрия Крижанича (1618 – 1683 гг.) Он родился в Хорватии, окончил Загребскую духовную семинарию. В 1640 г. Крижанич проживал в Риме, где заканчивал греческий коллегиум св. Афанасия. В 1659 г. он поступил на службу к русскому царю Алексею Михайловичу. Однако, в 1661 г. по ложному доносу был отправлен в ссылку в Тобольск. Вернулся он в столицу только в 1676 г. и навсегда покинул Россию в 1678 г.⁸ «Юрий Крижанич был одним из энциклопедистов XVII в., владел шестью языками, занимался философией, историей, политэкономией, правом, эстетикой, музыкой, историографией, богословием»⁹. В Тобольске он написал «Беседы о правительстве», известные в историографии как трактат «Политика»¹⁰. Его анализ состоит из критических замечаний и позитивной программы, наметившей необходимые преобразования.

В вопросе о сущности верховной государственной власти Крижанич представляет сравнительно новый для российской политико-правовой науки подход. Предшествующие авторы, как правило, исходили из того неявного предположения, что монархическая форма правления имеет одну и ту же постоянную природу. Крижанич первым **проводит различие между ограниченной и неограниченной монархиями как двумя вариантами монархической формы правления**. Примеры ограниченной монархии («соемное кралество») он видел во Франции, в Польше и в Германии. Россия же, по его мнению, представляет собой один из лучших образцов неограниченной монархии («совершенного самовладства»). Все симпатии Крижанича, безусловно, на стороне «совершенного самовладства». При всех преобразованиях, в которых нуждается Россия, последнее должно оставаться без изменения. Единство государственной власти, по Крижаничу, предполагает отсутствие разделения властей¹¹.

Крижанич полагал, что никто не может потребовать от царя отчета, народ не вправе как-то влиять на принятие им решений. Но этим он вовсе не хочет сказать, что царь пользуется безусловно неограниченной властью. Царь не подчинен никаким государственным законам, потому что эти законы исходят от него и, следовательно, могут быть им отменены, однако это не означает, что у его власти нет никаких пределов. Согласно Крижаничу, предел этот задается самой целью царского правления, которой является **общественное благо**. Царь должен пользоваться своей властью не для своего личного блага, а для блага всего народа. «Не царства для царей, но цари для царств созданы»¹². Он подчеркивает, что царь является заместителем Бога, но и только, он не хозяин, не собственник и не господин вверенной ему земли. Однако народ должен относиться к нему как к полновластному господину и только сам царь помнит о том, что он есть всего лишь слуга Бога¹³.

Оценивая эти рассуждения Крижанича, можно отметить, что по результатам своих выводов он вполне вписывается в русскую традицию политико-правовой мысли, но характер доказательств здесь другой. Большинство средневековых русских мыслителей доказывали тезис об ограниченности царской власти ссылкой на Библию или на различные исторические памятники, которые имели правовой характер, либо он им приписывался. Крижанич же впервые строит систему доказательств не на эмпирической, а на чисто теоретической основе, логическим путем. И в этом смысле он ближе к подходу Гуго Гроция или Томаса Гоббса, чем к традиции древнерусской литературы.

Конкретизируя свое учение о границах царской власти, Крижанич указывает на то, что царь обязан соблюдать умеренность в установлении налогов, обязан творить правый суд и т.п. Одновременно Крижанич предлагает и некоторые меры по упорядочению судебной системы. Высшей судебной инстанцией должен стать Боярский суд, которому следует разрешать серьезные уголовные дела большинством голосов, а рассмотрение гражданских и мелких уголовных дел доверить какому-либо судье «из числа бояр». В приказах следует иметь

судей, назначенных правительством, а на местах судебные полномочия вручить воеводам и городским судьям, выбранным горожанами¹⁴.

Царь обязан исповедовать православную веру, для него безусловно обязательны постановления Вселенских соборов и правила Отцов Церкви. Все права церкви, закрепленные в этих памятниках, а также полученные от его предшественников, не могут быть предметом посягательства царя. Другие пределы царской власти задаются необходимостью прислушиваться к общественному мнению. Здесь мы встречаемся с элементами теории просвещенной монархии: монарх должен заботиться о подданных, а они, в свою очередь, обязаны быть «во всем покорны царю-государю, как Божьему наместнику»¹⁵.

Царь не может издавать законов, которые противоречили бы естественному праву. Отстаивая идею славянского единства, Крижанич также использовал ее для определения царской власти: царь, по его убеждению, не имеет права совершать какие-либо действия, которые противоречили бы благу всех славян. Вместе с тем Крижанич осознавал неопределенность таких требований и сам указывал на то, что они не могут применяться на практике. Практическое значение он оставлял только за божественными заповедями и церковными постановлениями. Таким образом, у Крижанича на первый план выступают нравственные требования к власти.

Со взглядами Крижанича на пределы царской власти связано и его учение о тиране. Он различал два вида тирании: 1) тирания как форма правления; это государство в котором действуют богопротивные законы; и 2) тирания как злоупотребление царской властью, как проявление личных негативных свойств царя. И к той, и к другой тирании Крижанич относился с одинаковым осуждением. Если царь не отменяет тиранических законов, изданных его предшественниками, то он такой же тиран, как и они. Мысль о том, что монарху проще чем кому-либо другому восстановить порядок, нарушенный злоупотреблениями его предшественников, а потому в его обязанность входит сделать это, впервые была высказана Н. Маккиавелли, с работами которого Крижанич, по-видимому, был знаком.

Личные тиранические действия, согласно трактовке Крижанича, еще не составляют характерного признака тирана. Дело в том, что тиран произвольно присваивает себе неограниченную власть, принадлежащую только самому Богу, что не соответствует ни божеским законам, ни естественному праву. Пример тирании Крижанич видел в правлении турецкого султана, а в русской истории ее приметы он усматривал в правлении Ивана Грозного и Бориса Годунова¹⁶. Однако в отличие от Иосифа Волоцкого Крижанич не признавал за народом права на сопротивление тирану. Здесь он остается на позиции, свойственной подавляющему большинству русских авторов, рассуждавших на данную тему. Никто не может отказать царю в повиновении, даже в том случае если он не прав. Будучи тираном, царь по-прежнему остается наместником и помазанником Бога, а потому сопротивление ему является сопротивлением самому Богу. Тиран есть наказание Божие за грехи народа и народу остается только уповать на помощь свыше. Только в одном случае Крижанич допускает возможность неповиновения, а именно тогда, когда царь отрекся бы от православной веры или впал в ересь. Этим он посягнул бы на главный «столп», на котором держится Русь и без которого сама верховная государственная власть не имеет никакого значения. Тогда народ был бы свободен от своей присяги, мог бы свергнуть еретика и передать престол православному царю¹⁷. Данная оговорка в некотором смысле сближает Крижанича со школой Иосифа Волоцкого.

Серьезные требования Крижанич предъявляет и к деятельности законодателя. По его мнению, для составления новых законов необходимо изучить законы и обычаи своей страны, а также право «долговременных» государств (законы Солона, Ликурга и современных французских королей). Здесь к нравственному императиву добавляется и образовательный ценз. Как и Симеон Полоцкий, он считает обязательным наличие у правителя знаний, но хорошо также, когда они есть и у всего народа. Знание, по его мнению, это понимание причин различных событий. Незнание же причин приводит к непониманию самой вещи. «Рачитель мудрости через причины познает следствия», и в первую очередь «мудрость» необходима правителю. Именно поэтому, считал Ю. Крижанич, русскому народу необходимо учиться. Главной

же наукой, которую необходимо освоить правителю, является политика – «королевская мудрость»¹⁸. В качестве лучших он рассматривает «мертвых советников» (то есть книги), поскольку «... книгами не движет ни алчность, ни ненависть, ни любовь, [они] не льстят [и] не боятся поведать истину»¹⁹.

Ю. Крижанич, настаивал на необходимости учиться у Запада. Вместе с тем, главный порок и причина падения государства, как он считал, это «чужебесие», в виде любви к чужим вещам, а также чрезмерного уважения и доверия к чужеземцам. Потому, признавая необходимость западного образования, он настаивал на высылке иностранцев из России после того, как последние передадут свои знания русским²⁰.

Во второй половине XVII в. в государственном строительстве получили преобладание абсолютистские тенденции, развитие которых стимулировалось задачами, стоящими перед экономикой страны, нуждавшейся в протекционизме со стороны сильной государственной власти. Они получили свое выражение в политических учениях о «просвещенной» абсолютной монархии, способной наилучшим образом обеспечить «общее благо» для всех подданных. Такие политические доктрины, как правило, сопровождались различными проектами, содержащими программы экономических преобразований в стране.

Предпринимавшиеся в XVII в. попытки осмыслить с теоретико-правовых позиций природу монархической государственной власти с ориентацией на эволюцию российской государственности в направлении абсолютизма оказались созвучны духу времени. Однако и установившийся в самом конце XVII столетия абсолютизм отвечал основным установкам русской правовой культуры, которые получили обоснование у С. Полоцкого, Ю. Крижанича и других средневековых мыслителей. Ориентация носителей высшей государственной власти на общее благо, стремление управлять посредством законов и в рамках законов, учет значительной нравственно-религиозной компоненты общественного правосознания, стремление связать принципы законности и справедливости – вот основные требования, которые предъявлялись к правителю в политико-правовых трактатах XVII столетия.

Абсолютизм, как форма правления, проделал достаточно сложную эволюцию от петровского «регулярного» государства, служить которому обязаны все подданные без исключения, до екатерининской монархии, которая готова была оправдывать свое существование заботой о благе граждан Российской Империи. Однако, именно Симеона Полоцкого и Юрия Крижанича следует признать одними из первых серьезных идеологов **просвещенного абсолютизма**. Надо сказать, что в исторической науке периодом «пресвященного абсолютизма» по праву считается царствование Екатерины II. Но если сравнивать взгляды этой императрицы и рассмотренных нами средневековых мыслителей, то мы увидим их удивительное созвучие, что, по нашему мнению, позволяет употреблять этот термин применительно к XVII в. В XVIII в. «просвещенный абсолютизм» становится государственной политикой. Однако, обоснование такой формы правления оформилось гораздо раньше – по крайней мере – в XVII столетии.

Образованность, просвещение своего народа, необходимость следования нравственным императивам – вот основные требования, которые предъявляли к идеальному правителю Симеон Полоцкий и Юрий Крижанич. Эти качества рассматриваются в современном интеллигентоведении **как одни из сущностных черт интеллигенции**. Все это позволяет нам говорить о том, что данные мыслители наделяли **идеального правителя** качествами и признаками **интеллигента**. Более того, согласно их воззрениям, **привлечение во власть образованных людей обеспечивает эффективность государственного управления**.

Иными словами, можно сказать, что уже в XVII в. для наиболее образованной части общества становится очевидным, что создание во власти среды, обеспечивающей продуктивную деятельность интеллигенции, создает предпосылки для процветания и усиления государства. Это напрямую выводит нас на то, что люди, которых мы можем назвать интеллигентами XVII в. видели свое место не в оппозиции власти, а внутри ее. Поэтому, для автора совершенно очевидно, что в любом государстве, вне зависимости от формы правления и идео-

логии, **власть и интеллигенция** вполне могут **не противоборствовать друг другу, а сотрудничать**, выполняя свою **единую миссию – служение общему благу**.

¹ **Примечания**

См.: *Полоцкий С.* Избранные сочинения. М.-Л., 1953.

² История политических и правовых учений. XVII – XVIII вв. М., 1986. С. 291.

³ *Полоцкий С.* Избранные сочинения. М.-Л., 1953. С. 67 и др.

⁴ *Полоцкий С.* Избр. соч. М.-Л., 1953. С. 68.

⁵ *Шпет Г.Г.* Сочинения. М., 1989. С. 40. См., также: *Меметов В.С.* К первым итогам становления «интеллигентоведения» как самостоятельной отрасли научного знания // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: Межвуз. респ. сб. науч. тр. Иваново, 1996.

⁶ История политических и правовых учений. XVII – XVIII вв. М., 1986. С. 291.

⁷ Там же.

⁸ См.: подробнее: *Белокуров С.* Юрий Крижанич в России. М., 1901.

⁹ *Пушкарев Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 4.

¹⁰ Труды Крижанича см. в следующих изданиях: Собрание сочинений Юрия Крижанича. Вып. 1 – 3. М., 1891 – 1892; Русское государство в половине XVII в. Ч. I – VI. М., 1859 – 1860 и др.

¹¹ Русское государство в половине XVII в. Ч. I. М., 1859. С. 156 – 158. См. также: С. 233, 332.

¹² Там же. С. 250, 274 – 278.

¹³ Там же. С. 274 – 276.

¹⁴ Русское государство в половине XVII в. Ч. II. М., 1860. С. 69 – 73.

¹⁵ Там же. С. 83.

¹⁶ Русское государство в половине XVII в. Ч. I. М., 1859. С. 277 – 279.

¹⁷ Русское государство в половине XVII в. Ч. II. М., 1860. С. 118 – 120.

¹⁸ Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 457 – 464.

¹⁹ Там же. С. 453.

²⁰ Там же. С. 263.